

Имре Добози

РАССКАЗЫ

Перевод с венгерского М. Попова

АВАРИЯ

Пронзительный скрежет в переднем шасси, машина внезапно кренится влево, как лодка при бортовом ударе волны. Пассажир не успевает ни за что ухватиться. Ломаются стройная аллея придорожных тутовых деревьев, свет фар выхватывает из темноты неподвижное уродливое старое дерево. Визг тормозов, страшный треск, затем — тишина и темень.

С шофером ничего не случилось.

— Товарищ старший лейтенант! — в испуге кричит он, выпрыгнув на обочину. Он решает посмотреть, что произошло с его начальником, обегает машину, дергает дверцу, нащупывает кнопку выключателя. К счастью, освещение действует. — Товарищ старший лейтенант... вы ушиблись?

Усилием воли Дошай удерживается на сиденье. Правая рука беспомощно свисает, голова падает на грудь, словно к шее привязан пудовый камень.

— Вот чертовщина... — бормочет он, с трудом ворочая языком и мучительно подыскивая ругательства. С удивлением Дошай замечает, что ему трудно не только говорить, но и думать.

— У вас лоб в крови! — замечает шофер и тянется к заднему сиденью, ищет аптечку.

Старший лейтенант, должно быть, ударился головой о ветровое стекло. «Может быть, сотрясение мозга? — думает шофер, но не смеет сказать этого вслух. — Как же доставить отсюда раненого в район? Ведь на этой машине далеко не уедешь, черт бы ее побрал».

— Рука, — тихо произносит Дошай, после того как шофер перевязал ему голову, — не знаю, что с рукой...

— А, это ушиб, — говорит шофер, подбадривая сам себя и осторожно ощупывая поврежденную руку. — Сильный ушиб, и больше ничего. Я знаю! Со мной такое случалось... ух ты, черт возьми! Товарищ старший лейтенант, перелом!

От нервного напряжения шофера бросает в дрожь. Но надо действовать. Он спрыгивает на обочину, режет в темноте прутья и накладывает на сломанную руку наспех сделанную шину, все время повторяя:

— Больно? Скажите, очень больно?

Дошай хрипло бормочет:

— Воды бы, стакан воды...

Шофер беспомощно разводит руками. Вблизи нет ни хутора, ни колодца, ни какого-нибудь дрянного ручейка — откуда же взять воду? Он

лезет под машину, при свете спички осматривает шасси и затем встает, голос его звучит уже спокойнее:

— Лопнул привод руля... а без него ни один шофер не удержит машину на прямой!..

Водитель с облегчением вздыхает. Поломка, дефект — он здесь ни при чем. Его ответственность меньше. Шофер закуривает, предлагает сигарету старшему лейтенанту, но Дошаи отказывается, его тошнит. По голове словно бьют булжники, и эти громкие, тяжелые удары тупой болью отзываются во всем теле. Но еще хуже то, что ему не удастся сосредоточиться. Сначала он пытается думать об аварии, затем о том, что скажет жене и что напишет в рапорте, но всякий раз попадает в тупик, мысли его путаются.

— Я все же схожу за водой,— говорит шофер.

Дошаи удерживает его, сейчас вода не нужна. Он чувствует себя беспомощным, его знобит, и он боится остаться один.

Вдруг темноту разрезает свет одинокой фары. Шофер выходит на середину дороги, энергично машет рукой и, не дожидаясь, пока машина остановится, кричит:

— Здесь начальник районной комендатуры, его надо быстрее доставить в больницу! — и вдруг, разочарованный, умолкает: перед ним всего-навсего мотоцикл без коляски, везти раненого на нем рискованно. Да и водитель молчит, не спешит предложить свои услуги. Время от времени он прибавляет газ, отчего свет фары то вспыхивает, то меркнет.— Ну? — с раздражением произносит шофер, обозленный тем, что перед ним всего лишь мотоцикл.— Что будем делать?

«Подождать бы еще немного, возможно, подойдет машина», — думает он, но старший лейтенант, словно угадав его мысли, говорит:

— А если никого не дождемся? Ночью на дорогах мало машин.

— Держаться может? — спрашивает мотоциклист.

— Куда там к черту! — с досадой говорит шофер.— Перелом руки!

У Дошаи не хватает терпения, он хочет как можно быстрее добраться до больницы. Лучше уж трястись на мотоцикле, держась одной рукой, чем оставаться здесь и мучиться от боли. Он взбирается на заднее сиденье, но чувствует себя неуверенно, клонится в сторону. Мотоцикл едва не заваливается, луч фары на мгновение освещает лицо водителя: худое, обветренное, утомленное. Прищуренные глаза, взлохмаченные волосы... Дошаи знаком, хорошо знаком этот человек, но в следующее мгновение он уже не помнит, о ком он, собственно, думал. Мотоциклист говорит:

— Жаль, мотоцикл не мой... Одолжил.

— Какое это имеет сейчас значение? — обрывает его шофер и снимает ремень с пояса.— Так не пойдет, товарищ старший лейтенант. На первой же выбоине вы свалитесь... Дайте мне ваш поясной ремень. Я вас покрепче пристегну двумя ремнями, чтобы ничего не случилось. А вы, приятель, посматривайте!

Шофер осторожно всовывает кисть поврежденной руки старшего лейтенанта меж пуговиц кителя, а мотоциклист уже включает первую скорость, и свет фары ошупывает пыльную дорогу.

— Эй! — кричит вслед им шофер.— Скажите в комендатуре, пусть меня выручают.

Мотоциклист не отвечает. Он долго едет медленно, затем переключает скорость, и кажется, что он занят только скоростью, не замечает ухабов на плохой грунтовой дороге, мчится напрямик. Дошаи хочется попросить, чтобы водитель ехал осторожнее, но не хватает сил. Его уже не тошнит, хочется спать. Сон накатывается на него волнами, захлестывает, как порывистый ветер, — такой головокружительный, всемогущий,

дурманящий сон, что даже усилием воли Дошан не может удержаться, чтобы не сомкнуть глаз.

Машина осталась далеко позади, а до города еще добрых пятнадцать километров. По обе стороны дороги дремлют темные дали, время от времени о стекло фары ударяется жук, и сквозь шум в ушах Дошан слышится, что молчаливый мотоциклист что-то говорит, будто о чем-то спрашивает. Может быть, о времени — который час? Откуда ж ему знать? Ведь часы у него на левой руке, которой он держится, да и в темноте все равно не разглядеть... Дошан напряженно прислушивается, пытаясь понять, чего хочет водитель, в голосе которого уже звучит нетерпение:

— Не понимаете? Вы меня прекрасно знаете, а я — вас!

Они мчатся мимо леса, из глубины его на дорогу льется прохлада, освежающая, она прибавляет сил, как стакан свежей колодезной воды. Дошан жадно вдыхает душистую прохладу ночного леса, головная боль проходит. Но тут же он чуть ли не жалеет об этом: по мере того как стихает шум в голове, усиливается пронизывающая все тело жгучая боль в сломанной руке. Он стискивает зубы.

— Слышите? — кричит водитель. — Узнаете меня?

— Нет, — бормочет Дошан и сам удивляется, почему не узнает мотоциклиста, хотя чувствует, что должен знать, что где-то в спящем уголке его измученного болью мозга хранится память об этом человеке.

— Сейчас никто не услышит, так я скажу! — от ветра и напряжения голос водителя кажется хриплым. — Гад! Упек! Земляка, сверстника... Эх!

— Кто ты?

— Йошка Фекете... Это имя ты запомнишь! Навсегда!

Он прибавляет газ — мотоцикл почти вырывается из-под них. Дошан много дал бы сейчас за одну сигарету. Даже за одну глубокую-глубокую затяжку, лишь бы почувствовать, как входит и выходит из легких табачный дым... Йошка Фекете... Который Фекете? Старший лейтенант силится вспомнить, и от этого голова наполняется пульсирующей болью. Ну конечно же, Йошка Фекете... Но кто он? Чего хочет?... На повороте мотоцикл, фырча, замедляет ход, затем по прямой снова с ревом мчится дальше. Скорость нарастает вместе с яростью водителя — Фекете одной рукой управляет несущимся мотоциклом, другой рубит воздух и кричит:

— Три года ни за что! Все ты, проклятый, ты!

Они едут по берегу водоема, Дошан снова знобит, в лицо бьет сырой, холодный ветер. Фекете, Фекете... Ага, так это Фекете! Вспомнил: действительно знакомый с детских лет, хотя и не сверстник. И словно залитая ослепительным светом, перед ним внезапно возникает картина: он сидит за столом в комендатуре, а напротив стоит Йошка Фекете в пыльных сандалиях, в болтающихся широких брюках, голубой безрукавке, он выдавливает из себя слезы: «Нет, нет, больше ни разу... никогда не повторится!»

Дошан вздрагивает от тепла, которое исходит от спины водителя: он крепко связан ремнем с этим подлецом.

— Ты украл, — с трудом говорит он сквозь зубы. — Украл двадцать тысяч форинтов... Это, по-твоему, пустяк?

Фекете не слышит его и продолжает кричать.

— Ты украл! — повторяет Дошан, стараясь говорить громче.

На мгновение Фекете оборачивается, мотоцикл несется вперед, почти неуправляемый.

— Не я один крал! — кричит он.

— Не ты один сидел, — возражает старший лейтенант.

— Но столько! Три года! — мотоциклист пытается отодвинуться. — Навалился ты на меня! Хотел отличиться! Не сумма тебя интересовала и не обстоятельность... Одно только: кто крал! Классово чуждый элемент! — орет он. — А если крадет рабочий, разве убыток меньше?

Думать Дошай так же трудно, как шевельнуть раненой рукой.

— Ложь, — все же произносит он, преодолевая боль. — Для меня важно было, какое преступление ты совершил... Но решал суд, а не я! За двадцать тысяч ты мог бы получить и пять лет!

— Не оправдывайся! Знаю я, что было важно для вас... Взаимосвязь!.. Между преступлением и классовой принадлежностью!

— Есть и взаимосвязь, — с трудом произносит Дошай и пытается устроить поудобнее сломанную руку.

— Есть! — орет водитель. — Только вы ее и создали! Мой отец в лохмотьях остался на обломках своего имения!

— Один! А раньше у него в лохмотьях ходили двадцать батраков!

— Я не стал ждать, пока его дом пойдет с молотка, и украл! И еще раз украл бы! Сто раз украл бы!

Дошай стискивает зубы. Его охватывает такая ярость, что он забывает про боль.

— Не для отца крал! Для себя!

— Я тоже человек! Мне тоже жить хочется!

— Ты, ты... Изображаешь из себя жертву? Ты шкурник... Ты и у отца воровал пшеницу и продавал ее. Можешь, ночью...

— Откуда тебе известно? Ты служил у другого хозяина!

— У господ была солидарность, у батраков — тоже... И ты еще смеешь возмущаться?!

— И посчитаться не имею права? Слышишь, господин старший лейтенант? Долг платежом красен!

Слова тонут в тумане, окутывающем голову старшего лейтенанта: на него снова накатывается дурманящий сон, глаза закрываются сами собой. Он летит куда-то в пустоту, вниз, в мягкую пушистую темноту, не чувствуя ноющей боли. Затем Дошай приходит в себя. Мотоцикл сильно трясет. Или это его самого трясет?.. Вдруг он едва не вскрикивает: ремень, которым они связаны, начинает ослабевать. Что делает Фекете? Расстегивает ремень, чтобы Дошай свалился?

— Убийца! — кричит изо всех сил лейтенант. — Хочешь совершить преступление... другое, более страшное?

В ответ слышится хриплый циничный смех.

От бессильной ярости горло Дошай перехватывает спазма. Если бы правая рука была здоровой!.. Он достал бы из кармана пистолет и вдавил бы его в спину этому негодяю... Но до кармана не дотянуться, и левая рука, которой он с большим усилием держится за пиджак Фекете, начинает слабеть. Пиджак становится скользким, он словно смазан жиром, за него никак не удержаться.

«Неужели придется так глупо погибнуть?»

— Со мною вместе расшибешься! — кричит Дошай на ухо водителю. — Куда я, туда и ты!

Фекете молчит. Они мчатся с бешеной скоростью, дорога стремительно ложится под колеса, мотор работает на пределе, дрожит и ревет. «Молчит, — с болезненным напряжением думает старший лейтенант, — а что он скажет? Сказочку — распустился ремень, вот и все... А мотоцикл гонит так остервенело, что он вот-вот развалится под нами».

— Ты и мотоцикл украл... — догадывается Дошай.

Фекете молчит, но скорость как будто снижается.

Собрав все силы, старший лейтенант кричит:

— Останови! Или я ногой поломаю спицы!

— Останешься без ноги...

— Но и ты разобьешься! А если нет... достанут из-под земли.

— Не так просто!

— Куда ты денешься? Меня-то не бросят! Мои товарищи... тебе что, непонятно?

— Мне наплевать!

— У тебя еще не все потеряно... Почему бы тебе не попробовать работать, жить честно?

— Замолчи!

— Затяни ремень! Я приказываю!

— Дурак... Пальцем не может пошевелить, а приказывает!

— Рука у меня сломана, да чиста... Чиста!

— Замолчи!

— Задело? Твои-то грязные, и показать стыдно? Затяни ремень...

— Чтоб ты опять упек меня за решетку? За эту паршивую машину!

— Чей мотоцикл?

— Не все ли равно?

— Затяни ремень!

— Ну а если... если затяну?

— За это грехи не отпустятся!

Дошан выбивается из сил. Холодный пот покрывает его лоб, он не может больше держаться. Прижимается к спине Фекете, хотя ему так хочется быть далеко, очень далеко от этого человека.

Когда Дошан снова приходит в себя, мотоцикл бежит мимо домов. Фекете сбавляет скорость. Он клонится вперед, стараясь отодвинуться подальше от старшего лейтенанта, но беспомощное тело наваливается на него. У больницы ни один из них не может сойти с мотоцикла, Фекете сигналист, вызывая из помещения дежурных.

С Дошан снимают ремень. Стиснув зубы, он отстраняет спешащих на помощь санитаров и сам идет к двери. Фекете показывает паспорт: я такой-то... засвидетельствуйте — раненый доставлен благополучно... Дошан останавливается, ему приходится держаться за косяк двери.

— Мотоцикл, — говорит он тихо, но решительно, — останется здесь.

Мотор работает на малых оборотах, достаточно включить скорость — и тогда ищи ветра в поле. Дошан, бледный, пошатываясь, стоит на пороге, санитары смотрят в недоумении. Фекете окидывает взглядом безлюдную улицу, оценивает время и расстояние.

Потом раздражается бранью, выключает мотор, слезает с мотоцикла. Ему хочется оглянуться, всего на один миг, увидеть выражение лица Дошан. И все же он не оглядывается. Упрямо наклонив голову, засунув руки в карманы, не попрощавшись, Фекете уходит в ночную тьму.

ЛИВЕНЬ

Когда супруги Пато вошли в контору, агроном Мишкеи прекратил работу и локтем отодвинул бумаги на край стола. Его давно разбирало любопытство: что за человек Иштван Пато, имя которого он так часто слышал? И вот Пато стоит перед ним. Ни велик, ни мал, ни толст и ни тощ. Сложен скорее пропорционально. Держится прямо. Голова спокойно и гордо сидит на плечах, как на троне, руки без напряжения согнуты под закатанными ру-